

СКАЗКИ БАБУШКИ
ПРО ЧУЖИЕ СТРАНУШКИ

Аннотация

Сказки из книги «Сказки бабушки про чужие странушки» — уникальное старинное наследие многих народов мира. Столетиями передававшиеся из уст в уста истории, и сегодня не теряют своей актуальности как бесценный клад духовности, мудрости и неувядающей красоты. Незаслуженно забытые произведения являют нам неиссякающий источник вдохновения и добра, поучений, но не нравоучений и будут интересны как детям так и взрослым.

Будучи тщательно отобранными и переведенными на русский язык выдающейся переводчицей Е. М. Чистяковой-Вэр, сказки занимают достойное место в мировой антологии сказок.

СКАЗКИ БАБУШКИ ПРО ЧУЖИЕ СТРАНУШКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сказки — как цветы: в каждой стране они принимают свою форму, свою окраску. Большая часть европейских сказок родом из древней Индии, и поэтому мы находим у многих народов почти одинаковые сказки. У шведов, итальянцев, русских и англичан есть, например, сказки о глупцах; почти у каждого народа существует рассказ о молодых людях, юноше и девушке, спасающихся из плена, которые при помощи брошенных вещей убегают от преследователей: гребень или веретено превращаются в дремучий лес, полотенце в реку и так далее.

У самых несхожих по характеру народов можно найти сказки почти одинакового содержания. Но зато какая разница в характерах, в описаниях, в мелких подробностях — они-то и придают сказкам прелесть и красоту.

В этот сборник вошли сказки писателей различных национальностей (например, Киплинга, Густафсона, Каван, Гальден, Дюпюи), народные предания, собранные для меня уроженцами различных стран (таковы венгерские, испанские предания и др.), и восточные сказки в художественной обработке европейских писателей (турецкие и испанские сказки знаменитого Эдуарда Лабуле, арабские — г-жи Барбье).

Надеюсь, что юный читатель над чем-то посмеется, чему-нибудь научится, что-то затронет его детскую душу.

Е. Чистякова-Вэр

ПРИНЦЕССА ЛГУНЯ (шведская сказка)

Жил на свете король и правил таким большим королевством, что пришлось бы идти много-много месяцев тому, кто вздумал бы пересечь его от одной границы до другой. Посреди королевства стоял замок; в нем-то и жил король, у которого была дочь, очень огорчавшая его. Дело в том, что принцесса отличалась большим недостатком: она была очень хороша собой, но с самого раннего детства не могла открыть рта, чтобы не солгать.

Рядом с замком король велел выстроить маленький дворец для принцессы и ее приближенных. Там принцесса жила очень одиноко; никто не хотел с ней дружить, потому что она всегда говорила неправду. Только король заходил к ней; но возвращался обычно из ее дворца печальный.

Все знали о несчастье короля и со страхом думали, что после его смерти королевство попадет в руки лживой принцессы.

Король уже много раз рассылал указы, в которых говорилось, что он отдаст все свое государство и руку дочери тому, кто научит ее говорить правду.

Являлись сотни принцев, но все возвращались ни с чем — ни одному не удалось исправить красавицу-лгунью.

В том же королевстве жила бедная вдова, сын которой пас королевское стадо. Пастуха звали Пер, и мать не могла нарадоваться на него, потому что он больше всего на свете любил правду.

Однажды Пер вернулся домой очень серьезный и перед сном сказал матери:

— Матушка, я больше не буду пасти стадо.

— Почему? — спросила она.

— Завтра утром я пойду в королевский дворец.

— Зачем?

— Я хочу вылечить принцессу и получить королевство, — спокойно ответил Пер.

На следующее утро старуха благословила сына, и он пошел к замку. На половине дороги Пер услышал в лесу журчание ручья и пробрался в чащу, так как хотел напиться.

Никогда в жизни не видал он такой свежей и светлой воды, а заглянув в ее глубину, заметил, что там блестит звезда. Пер наклонился; чем ниже наклонялся он, тем больше приближалась к нему звезда; когда он утолил жажду, она вышла из воды, стала перед ним и превратилась в красивую девушку.

— Ты выпил из источника Истины! Если хочешь, я исполню любое твое желание, — сказала она.

— Я хочу вылечить принцессу, — вскрикнул Пер.

— Трудное дело! Впрочем, если ты будешь слушаться меня, тебе, может быть, это удастся.

— А что я должен сделать?

— Налей в мех воды из этого источника и иди в королевский дворец. Когда ты услышишь, что принцесса солгала, брызни на нее тремя капельками воды и скажи: «Пусть твои слова исполнятся». Через три дня вернись к ней и, если она опять скажет неправду, брось на нее шесть брызг, говоря: «Пусть твои слова исполнятся». Еще через шесть дней вернись к ней, и если тогда она не будет говорить правду, значит, ее нельзя вылечить.

Чудное видение исчезло. Пер налил воды в мех и пошел дальше. К вечеру он пришел к дворцу и постучался в ворота.

— Кто там? — спросил король.

— Человек, который пришел, чтобы попробовать вылечить принцессу, — спокойно ответил Пер.

— Ну, подожди до утра. Прежде всего я должен посмотреть, кто ты, — ответил король. И Перу пришлось пойти в парк и проспать ночь на траве.

Едва показалось солнце, как король сам отворил ворота замка. Хотя у него было мало надежды на выздоровление принцессы, ему все же очень хотелось увидеть того, кто считал себя способным научить ее говорить правду.

Заметив Пера, он наморщил брови:

— Что ты можешь сделать, пастух? Ведь тысячи принцев потерпели неудачу, — сказал он.

— Все-таки позвольте мне попробовать.

«Ну, пусть войдет», — подумал король и отвел Пера в замок.

Пастуха угостили вкусным обедом, и король позволил ему три раза поговорить с принцессой. В первый раз в тот же самый день, во второй — через три дня после первого и наконец через шесть дней после второго раза.

Вечером принцессу позвали в замок отца. Она пришла одна и с насмешливой улыбкой посмотрела на молодого человека, одетого в грубое пастушье платье.

— Дочь моя, — сказал король, — вот новый жених, как ты его находишь?

— Какой нарядный рыцарь! На нем красуются чудные золотые одежды, и венец сияет

на его голове! Я не могла и надеяться встретить лучшего жениха, — сказала принцесса и расхохоталась так звонко, что от ее смеха зазвенели стекла.

Лицо бедного отца омрачилось, а Пер, глядя на него, кивал головой, точно говоря: «Слышу и понимаю».

— А что ты скажешь, если я велю тебе выйти за него замуж? — спросил король.

— Я отвечу, что ему придется прежде подумать, а уж потом идти ко мне во дворец, потому что рыкающие львы стоят у входа в мой дом, а над моей дверью парит громадный орел. Впрочем, может быть, жених не испугается зверей, однако он сейчас же убежит, когда увидит, что я старая колдунья и каждую ночь вылетаю на метле из окошка, — ответила принцесса со смехом.

— Неужели ты не можешь сказать ни слова правды? — спросил Пер.

— Конечно, могу, а потому предупреждаю короля, что ты пришел к нему в замок, желая убить его и завладеть королевским тронном.

Услышав это, король стал бледный, как полотно. Между тем Пер спокойно взял три капли воды из своих мехов и брызнул ими на принцессу, говоря:

— Пусть твои слова исполнятся.

Король приказал отвести Пера в темницу, а когда стражники увели молодого человека, принцесса снова расхохоталась.

Она пошла домой, но чуть не упала от ужаса, увидев, что ее выдумки осуществились. У входа в маленький дворец стояли два рыкающих льва. Она хотела убежать, но ее остановил рыцарь в блестящем венце и в платье из золотой парчи; у него были честные глаза и белокурые кудри Пера. Он указал рукой на дверь. Проходя мимо львов, которые разорвали когтями ее платье, принцесса почувствовала, что ее кровь холодеет. Ее ужас усилился, когда она увидела орла, парившего над дверью. Она хотела бежать, но рыцарь остановил ее. С криком бросилась она в дом; орел же ударил ее клювом.

Как только принцесса вошла в комнату и взглянула в зеркало, она с дрожью увидела, что превратилась в старую колдунью. Через мгновение она уже сидела на метле, которая вынесла ее в окно.

Стояла темная ночь, уносясь на метле, принцесса слышала голос рыцаря:

— Благодаря лжи ты сделалась колдуньей, несись же на крыльях северных ветров во мрак, туда, где царит черная тьма, лети в царство смерти.

Быстро-быстро неслась принцесса над лесами и морями, и чем дальше летела она, тем холоднее становилось. Северный ветер развеивал ее платье, ей казалось, что тысячи кнутов бьют ее, и повсюду она видела своего мертвого отца, убитого Пером.

Холодный пот выступал у нее на лбу, но он замерзал, превращаясь в длинные ледяные сосульки, примерзавшие к ее ресницам и бровям. Принцесса попробовала кричать, но у нее перехватило горло. Вдруг ее закружил вихрь, она стала виться, как легкая снежинка, потом упала в какую-то страшную бездонную пропасть. Долго-долго падала она в темноте ночи, но когда заблестел первый луч солнца, проснулась в своей комнате, ее окружали приближенные.

Весь следующий день принцесса была грустна, однако никому не сказала о причине своей печали. Вечером она спросила у одной из фрейлин, не слыхала ли она чего-нибудь о пришедшем накануне пастухе. Фрейлина ответила, что Пера приговорили к смертной казни. Из глаз принцессы потекли слезы, и она вышла из маленького дворца, чтобы рассказать королю всю правду. Но едва красавица очутилась во дворе, как раскаяние замерло в ней. Она хотела уже вернуться, но перед дверями дворца опять стояли страшные львы с оскаленными зубами.

Рыцарь весь в золоте подошел к ней и поразил львов шпагой.

— За твоё раскаяние я прогону также и орла, который парит над дверью, — сказал он, и, когда хищная птица улетела, прибавил: — Я благодарю тебя за то, что ты заплакала о моей судьбе.

— Кто? Я? Я плакала из-за тебя? Ну, нет, извини. Напротив, когда тебя казнят, я буду

хохотать, ты слишком мучил меня.

В одно мгновение принцесса снова сделалась старой колдуньей, как накануне, и услышала, что рыцарь говорит:

— Благодаря лжи ты сделалась колдуньей, несись же на крыльях северных ветров во мрак, туда, где стоит вечная тьма, в царство смерти.

И принцесса вылетела в окно, и вихрь всю ночь носил ее и крутил над холодными равнинами, покрытыми вечным льдом и снегом.

На следующий день она спросила своих приближенных о Пера, и одна из фрейлин сказала, что пастуха скоро казнят.

Принцесса залилась слезами и выбежала из дворца, чтобы рассказать отцу о своей вине, но она остановилась перед дверями замка и повернула назад.

Снова появился одетый в золото рыцарь, он казался более кротким, чем накануне, проводил принцессу до ее дома и на прощанье сказал ей:

— Благодарю тебя за то, что ты плакала обо мне.

Принцесса рассердилась, но, увидя упрек в глазах рыцаря, смягчилась, в ее сердце потух гнев, и из ее глаз снова побежали слезы.

В эту ночь северный ветер кружился один, раскаяние избавило принцессу от мучительного полета.

Через три дня Пера освободили из темницы и позволили ему поговорить с принцессой. Когда она вошла в залу замка, все присутствующие удивились ее бледности.

— Что ты скажешь сегодня о твоём женихе? — спросил король.

— Я скажу, что он невиновен в том преступлении, в котором я его обвиняла, и что он мой лучший друг, — ответила принцесса.

Пер улыбнулся, но король заметил:

— Все присутствующие могут сказать, что ты лжешь, у тебя не может быть ни подруги, ни друга. Я скорее верю тому, что ты сказала в прошлый раз, а потому через шесть дней велю его казнить.

Принцесса упала на колени, заплакала и стала просить отца помиловать Пера, но король был неумолим.

— Как может он быть твоим другом? — продолжал король. — Ведь ты не виделась и не разговаривала с ним.

— Я часто говорила с ним, — с мукой в голосе сказала принцесса и, желая спасти Пера, выдумала, будто она каждую ночь подходила к его тюрьме, беседовала с ним и за это время поняла, что он ее лучший друг.

Тем не менее Пер бросил на нее шесть капель воды и сказал:

— Не уклоняйся от правды, даже в опасности. Иди и пусть твои слова осуществляются, мы увидимся через шесть дней.

После этого стражники увели Пера в темницу. На этот раз принцесса не рассмеялась, напротив, она заплакала, да так горько, что трава и цветы увядали всюду, куда падали ее горячие слезы.

Когда совсем стемнело и все стихло вокруг замка, принцесса почувствовала жестокую тревогу и никак не могла заснуть. Она думала о невинном узнике, которого должны были скоро казнить из-за нее, наконец выскользнула из комнаты, прошла мимо заснувших фрейлин, потом мимо стражников и пошла к тюрьме.

Там, продев белые руки между решетками и скрестив пальцы, она умоляла Пера простить ей то зло, которое она ему причинила.

Пер взял ее за руки и стал утешать. Так разговаривали они до рассвета. На рассвете же принцесса вернулась к себе. Каждую ночь она приходила к темнице, садилась у тюремного окошечка и слушала все, что ее друг говорил ей об огромной силе истины. Когда наступил шестой день и принцесса увидела Пера в большой зале, она не заплакала, напротив, спокойно подошла к королю и сказала:

— Я очень огорчала тебя, дорогой отец, но теперь я не хочу больше лгать и надеюсь,

что ты мне поверишь, если я скажу, что тот человек, от которого я научилась любить правду, для меня дороже всех остальных.

Король мрачно молчал, через мгновение он сказал дочери:

— Ты ничего не прибавишь раньше, чем его уведут на казнь?

— Умоляю тебя, позволь мне умереть вместе с ним.

Лицо короля прояснилось, и он сказал:

— Я не хочу доводить испытание до конца. Я уверен, что ты говоришь правду.

Король обнял дочь и ее друга, который отучил ее лгать, он благословил их, и вслед за этим сыграли свадьбу.

Празднества были чудо как хороши, и каждый рассказывал о них по-своему, а потому теперь всякий может рассказать какую-нибудь историю о Пере и его жене.

УГОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК (голландская сказка)

В Голландии жил старый горшечник, у которого был один сын Кай. Усердно работал старик, день и ночь он делал красивые горшочки, покрывал их глазурью, а потом обжигал в громадных печах на очень сильном огне. Тринадцатилетний Кай помогал ему как умел. Он приносил топливо для печи, поддерживал огонь, мешал уголь. Хороший был мальчик этот Кай, только слишком любопытный, а иногда и непослушный. Сделав много плошек и горшочков, отец Кая обыкновенно возил их в соседний город продавать. Он уезжал рано утром и возвращался поздно вечером.

Однажды как-то собрался он везти посуду на продажу и сказал Каю:

— Смотри, сынок, веди себя хорошо, сиди дома, читай книги и не ходи к плотинам, туда, где стоят развалины старого дома. Не нужно туда ходить.

— А что там такое? — спросил Кай.

— Сам не знаю, — ответил горшечник, — только люди уверяли меня, что туда ходить опасно, особенно вечером.

Кай остался дома, почитал немного, потом зевнул, ему сделалось скучно, и стал он придумывать, чем бы заняться. Возле печи Кай увидел большой кусок древесного угля — целую обгоревшую головешку, которая формой напоминала человеческую фигуру, только без рук и без ног.

«Вот славная головешка, — подумал Кай, — попробую сделать из нее куклу».

Он взял перочинный ножик и стал осторожно закруглять голову, сделал кукле плечики, туловище, потом отыскал четыре продолговатых уголька и два из них приклеил к плечам, два к туловищу. Кукла вышла на славу, по крайней мере она очень понравилась Каю.

— Ах ты славный, славный угольный человечек, — крикнул Кай и поцеловал фигуру в круглую голову.

Как только он сделал это, маленькая черная голова быстро зашевелилась и закивала, на ней ясно выделились нос, рот, уши, глазки и черные волосы. Вообще вся она так и осталась черной угольной. Вдруг крошечные черные губки задвигались, и Кай услышал тонкий, писклявый голосок:

— Молодец, Кай, спасибо тебе, ты отлично сделал меня, а поцелуем и лаской дал жизнь моей голове. Доверши же благодеяние. Обдай меня всего теплым человеческим дыханием, тогда я оживу и когда-нибудь в трудную минуту отблагодарю тебя!

«Почему бы и не оказать этой услуги человечку?» — подумал Кай, взял его в руки, пододвинул к своему лицу и несколько раз сильнодохнул на него.

Что за чудо! Человечек совсем ожил. На его ручках появились маленькие пальцы, ноги быстро-быстро зашевелились, и он пропищал:

— Пусти меня, Кай, теперь я совсем живой, только обращай со мной осторожно, потому что я все-таки угольный и меня легко сломать.

Кай разжал руки, и человечек от радости, что ожил, стал прыгать по всей комнате,

размахивать руками, вертеться и танцевать. Он был очень мал ростом, с пол-аршина, и весь черный, как трубочист, в черной же одежде, тоже напоминавшей костюм трубочиста, в черных башмачках. На его черном угольном личике блестели и искрились черные же глазки.

— Милый Кай, славный Кай, — пел он, танцуя по комнате. — Ты сделал меня и своей любовью дал мне жизнь. Смотри же, я отблагодарю тебя.

Тут он расшаркался, низко поклонился Каю, отворил дверь и убежал. Кай долго смотрел, как он быстро-быстро шагал по снегу.

Весь день Кай сидел дома, думая о маленьком черном угольном человечке, и все задавал себе вопрос: «Придет ли он когда-нибудь ко мне и как меня отблагодарит?»

На следующий день все пошло по-обыкновенному. Отец делал горшочки, Кай приносил топливо, складывал его в громадные обжигательные печи, словом, все было как всегда, и посреди ежедневной усердной работы мальчик совсем перестал думать об угольном человечке. Через некоторое время горшечник опять изготовил множество глиняной посуды и раз рано утром отправился в город продавать ее. На прощанье он сказал Каю:

— Веди себя хорошо, Кай. Читай, играй, но смотри, не ходи к разрушенному дому. Люди говорят, что там бывать опасно, особенно вечером. Смотри же! Дело в том, что я, может быть, не вернусь сегодня, а приеду только к завтрашней ночи. Посуды у меня много, и вряд ли удастся в один день распродать ее.

С этими словами он сел на облучок санок, шевельнул вожжами и поехал к городу.

Кай сначала читал, потом вздремнул немного, потом вспомнил об угольном человечке. Ему было скучно, он вышел из дома, побродил по двору и, вспоминая, как он делал угольную куклу и как она ожила, стал незаметно для себя отходить от дома все дальше и дальше.

— Ах, да я иду в сторону моря, — подумал Кай, — а ведь отец не велел мне ходить к старому разрушенному дому. А почему не велел — и сам не знает. И что там может быть?

В Кае заговорило любопытство, да такое сильное, что он забыл о запрещении отца, об опасности, о страхе, обо всем и решил войти в старый дом, о котором говорили, будто он был выстроен сто лет назад. Еще уверяли, что там случилось какое-то несчастье и что хозяева бросили его. Дом стоял пустой и понемногу разваливался. Кай подошел к нему. Это было громадное мрачное здание с выбитыми окнами, с сорвавшимися с петель дверями. Кай немного постоял перед ним, потом переступил обветшалый порог. Пустая мрачная комната, ничего страшного. Он перешел в другую, третью, наконец попал в большую залу. Ее наполняли необыкновенные вещи. Тут были восьмиугольные, пятиугольные и четырехугольные столы, заставленные странной посудой, банками с какими-то жидкостями, чашами; громадные кресла с очень высокими спинками, украшенными резными змеями с глазами из драгоценных камней; какие-то музыкальные инструменты невиданной формы и т. д. Посередине комнаты стоял бронзовый блестящий нарядный стол, а на нем — подпертая стойкой громадная книга в черном переплете с золотыми застежками.

Каю стало очень страшно. Он повернул к двери, но ее не оказалось на месте. Все стены комнаты сплошь покрывали толстые ковры, и не было видно, где кончался один, где начинался другой. Кай бросился к стенам и стал ощупывать их. От отчаяния слезы выступили у него на глазах, но он никак не мог найти двери. Со стоном мальчик отошел от стены и, как только повернул голову, увидел, что посреди комнаты, подле черной книги, стоит старуха в черном платье, с бледным лицом, с трясущейся головой и с длинными космами седых волос, торчащих из-под остроконечной шапки, вышитой какими-то знаками. В руках у старухи была большая черная клюка с изогнутой ручкой. Она смотрела на Кая, и ее маленькие глазки блестели, как у молодой девушки.

— Не бойся, не бойся, лучше подойди ко мне, миленький, — сказала она. — Я ничего с тобой не сделаю, только тысячу пятьсот лет ты не выйдешь из этого дома. Ты будешь моим учеником. Я научу тебя вызывать гениев, но для этого ты не должен никогда больше видеться с людьми. Гении дадут тебе богатство, роскошь и удобства. Вот видишь, тебе нечего огорчаться.

— Нет, лучше отпустите меня, — сказал Кай. — Мне не нужно ни роскоши, ни богатства. Я хочу видеть отца, хочу жить с людьми... На что мне золото и другие сокровища, раз я не буду по-прежнему видаться с моими товарищами, с друзьями, со всеми, кого я любил?

— Довольно разговаривать. Ты останешься у меня, и дело с концом. Молчи — не то...

И она с угрозой подняла клюку.

На следующий день старуха велела Каю снять старое голландское платье, принесла новое, какого-то странного покроя, сделанное из бархата и атласа, покрытое дорогой вышивкой и унизанное сверкающими драгоценными камнями.

— Это чтобы тебе не было скучно, — сказала она.

Чернокнижница принялась учить Кая своему искусству. Не обращая внимания на слезы и просьбы мальчика, она заставляла его процеживать страшные яды, варить похлебку из ядовитых змей и жаб, помешивая ее громадной ложкой, и недели через две приступила к главному — вызыванию гениев по книге в черном переплете с золотыми застежками. Для этого нужно было читать странные буквы, составлявшие странные слова, и трижды произносить заклинания. Когда Кай заучил первую фразу и по приказанию старухи при ней вызвал гения недр земли, комната наполнилась страшным шумом, осветилась золотистым светом, и в ней появилось железное существо, похожее не то на птицу, не то на человека с алмазным ожерельем и громадными золотыми крыльями. Старуха произнесла второе заклинание, и вот из его полулап, полурук посыпались осколки золота, много золота. Перевернув страницу, чернокнижница произнесла третье заклинание, и гений исчез. Потом, когда колдунья осталась наедине с Каем, она заставила мальчика собрать золото в ларчик.

Однажды старуха сказала:

— Мне нужно улететь далеко, далеко отсюда, в теплую страну, к великому городу, который стоит на семи холмах, за травой, отмыкающей все замки, все затворы. Только под стенами того старого города растет она, лететь мне придется далеко, а потому я вернусь вечером. Чтобы тебе не было скучно, изволь к завтрашнему дню затвердить вот это заклинание. Выучись хорошенько произносить слова, но только помни, не смей говорить их, стоя перед книгой и положив руку на ее раскрытые страницы. Иначе тебе же будет худо.

Сказав это, старуха свистнула, и на ее зов неизвестно откуда появился зеленый крылатый дракон, она уселась на него и в одно мгновение вылетела через трубу огромного камина.

Кай остался один. Прежде всего он попробовал опять отыскать дверь, чтобы, если возможно, убежать и вернуться к отцу, но, как и в первый раз, ничего не нашел. Походил по комнате, заплакал, потом сел за книгу, раскрытую на той странице, на которой ему нужно было учить заклинание, и принялся твердить странные волшебные слова.

Он очень легко освоился с ними, так как привык заучивать слова из этой книги, и вдруг ему захотелось узнать, что будет, если он без старухи вызовет гения. И какой гений явится к нему? Кай понимал, что это неблагоприятное желание, но никак не мог совладать с любопытством. Наконец он встал, подошел к бронзовому столу и, положив руку на раскрытые листы книги, дрожащим голосом начал говорить:

— Кари, кари, бум, бум... — и другие таинственные слова.

Едва он повторил заклинание в третий раз, как в комнате что-то зашипело, затрещало. В камине вспыхнул яркий красный огонь и залил всю залу зловещим светом. Среди багровых клубов дыма, ворвавшихся неизвестно откуда, появился гений на ярко-красных с желтым крыльях. Его глаза и все лицо горели нестерпимым блеском. Пламя и огонь расходились от его громадных крыльев, зажигая все вокруг. Без слов Кай понял, что он вызвал гения огня. В отчаянии мальчик стал перелистывать страницы, но не мог найти заклинание, имевшее силу прогнать страшного гения. Вот стали тлеть ковры, вот вспыхнул стул из сухого дерева, вот обуглились ножки дивана. В эту минуту, взглянув на уголь, Кай вспомнил об угольном человечке, который был так рад, что он дал ему жизнь, и наудачу закричал:

— Угольный человечек, угольный человечек! Ведь ты же обещал помочь мне в трудную минуту! Сюда, сюда!

И пора было позвать его: волосы на голове Кая уже начинали тлеть. Мальчик хотел снова закричать, но увидел, что перед ним стоит маленькая черная фигурка с блестящими живыми глазками, кланяется ему и говорит:

— Хорошо, что ты позвал меня, я сейчас тебе помогу. Я не боюсь огня, мы с ним давно знакомы и даже состоим в некотором родстве. Всякого гения я сумею прогнать, потому что тот уголь, из которого ты сделал меня, был прежде старой-старой сосной, росшей возле дома гораздо более могучего колдуна, чем твоя чернокнижница... Сосна знала наизусть все заклинания, все волшебные слова.

— Да что же ты болтаешь, а не поможешь мне? Смотри, ведь вокруг нас все пылает. Вот-вот я сам сгорю, помоги же мне, угольный человечек!

В одно мгновение черная фигурка сделала уморительный прыжок, вскочила на кресло, потом на стол и, перевернув семь страниц, прочитала писклявым голосом коротенькое заклинание. Гений мгновенно исчез, огонь потух, и в комнате остался только запах гари.

— Но что же будет со мной? — простонал Кай. — Ведь старуха все равно убьет меня. Она никогда не простит мне моего непослушания.

— А зачем тебе ждать старуху? — спросил угольный человечек. — Разве тебе не хочется вернуться домой к отцу?

— Как не хочется, — ответил мальчик, — очень хочется! Да как выйти из этой залы?

— Да так и выйди, — ответил угольный человечек, — огонь оказал тебе услугу, ведь дверь-то сгорела и сгорела та волшебная картонная чаша, в которой лежал талисман, скрывавший выход из залы. От обыкновенного огня чудодейственная чаша не погибла бы, но ведь тут был сам огненный гений, а это не шутка! Иди же, не мешкай. Пора, пора.

И угольный человечек быстро побежал к стене, на которой лохмотьями висел почерневший, обгоревший ковер. Кай шел за ним. Угольный человечек дотронулся до ковра своей маленькой черной ручкой, с удовольствием понюхал его и сказал мимоходом:

— Как славно пахнет! И он стал гораздо красивее прежнего, черный, угольный! Но ведь вы, люди, этого не понимаете. Ну, смотри же, вот и выход.

Он отодвинул ковер, Кай увидел обгоревшую, настежь открытую дверь и, не помня себя от радости, выбежал из нее. Он быстро прошел через все остальные пустые комнаты полуразрушенного дома и вскрикнул от удовольствия, ступив на оттаявшую землю и вдохнув чистый воздух ранней весны.

— Как долго пробыл я здесь, — сказал он, — вошел сюда зимой, а теперь уже наступила весна.

— Да, да, — ответил человечек, — только идем, идем, торопись домой. — И они побежали. У дверей дома горшечника угольный человечек простился с Каем, пожал ему руку своей черной ручкой и сказал:

— Теперь ты больше меня не увидишь. Мне было позволено только раз оказать тебе услугу, а теперь уж я не буду заботиться о тебе, заботься о себе сам и будь счастлив.

Он кивнул Каю головой и быстро побежал прочь.

Кай бросился в дом отца. Увидев сына, старик не поверил собственным глазам. Кай рассказал ему обо всем, что случилось, а отец вместо слов только целовал его и плакал.

Кай исправился, он поступил в школу, а через много лет сделался ученым, который особенно любил добывать из земли уголь и исследовать его.

ОХОТА ПИТОНА КАА **(из книги «Джунгли» Р. Киппинга)**

Все, что здесь рассказано, случилось, когда маленький индеец Маугли жил у волков. В то время старый медведь Балу учил его законам индийских зарослей — джунглей. Большой серьезный коричневый зверь любил способного человеческого детеныша, его другие

ученики, молодые волки, занимались плохо, старались заучить только то, что касалось их стаи или их племени, и сейчас же убегали, едва запоминали следующие строки закона: «Ноги бесшумные, глаза, видящие в темноте, уши, слышащие притаившийся ветер, острые белые зубы — вот признаки наших братьев; нужно исключить только Табаки-шакала и гиену, их мы ненавидим». Но Маугли, человеческий детеныш, должен был учиться больше. Иногда Багира, черная пантера, любившая его, подкрадывалась посмотреть, что делает ее любимец, мурлыкала и терлась головой о дерево, слушая, как Маугли отвечал урок медведю Балу. Мальчик мог лазать почти так же хорошо, как он плавал, а плавал он почти так же хорошо, как бегал. Поэтому Балу научил его законам леса и воды. Он научил его отличать подгнившие ветки от здоровых, научил вежливо разговаривать с дикими пчелами, сказал, что следует говорить летучей мыши, если он днем потревожил ее в ветвях, как нужно, бросаясь в воду, предупреждать водяных змей в болотах. (Обитатели джунглей не любят, чтобы их беспокоили, и всегда готовы наказать потревожившего их.) Маугли научили также охотничьему зову, который нужно повторять в чужих лесах до тех пор, пока не послышится ответ. Охотничий крик обозначает: «Позвольте мне охотиться здесь, потому что я голоден», ответ же звучит так: «Охоться для пищи, но не для удовольствия».

Все это показывает, сколько нужно было Маугли заучить на память, и иногда ему надоедало повторять одно и то же. Раз, когда Балу шлепнул Маугли за рассеянность, мальчик рассердился и убежал; Балу сказал Багире:

— Человеческий детеныш должен выучить все, о чем говорится в законе!

— Но подумай, какой он маленький, — сказала черная пантера, которая, конечно, совсем избаловала бы Маугли, если бы ей не мешали. — Как может все это втиснуться в его маленькой головке?

— Разве в джунглях не убивают маленьких? Вот почему я учу его, вот почему я и бью его, правда, очень нежно, когда он что-нибудь забывает.

— Нежно? Хороша нежность, — проворчала Багира. — Его лицо в крови от твоей нежности. Ах ты, железная лапа.

— Лучше пусть он весь будет исцарапан моими лапами, которые любят его, чем пострадает от незнания, — серьезно ответил Балу. — Теперь я учу малыша Великим Словам, которые защитят его от народа птиц и племени змей, ото всех, кто бегают на четырех лапах. Разве из-за этого не стоит немножко поколотить его?

— Хорошо, только смотри, не убей человеческого детеныша. Но что это за слова? Скорее всего я буду помогать, чем просить помощи, — сказала Багира и, вытянув бархатную лапу, стала ее рассматривать. — Тем не менее мне хочется знать.

— Я позову Маугли, и он скажет эти слова, если захочет. Приди, маленький братец!

— У меня в голове шумит, точно в пчелином улье, — произнес недовольный голосок над их головами. Маугли спустился по дереву с рассерженным лицом. Соскочив на землю, он прибавил:

— Я пришел для Багиры, а не для тебя, жирный старый Балу.

— Мне все равно, — ответил Балу, хотя и обиделся. — Скажи Багире Великие Слова джунглей, которым я учил тебя сегодня.

— Для какого племени? — спросил Маугли (он был рад показать свои знания). — В наших зарослях много наречий, я знаю их все.

— Знаешь некоторые, а не все. Видишь, Багира, ученики никогда не благодарят учителя, ни один волчонок не пришел поблагодарить старого Балу за учение. Ну, великий ученый, скажи Великое Слово для племени охотников-зверей.

— Мы одной крови, вы и я, — сказал Маугли с медвежьим акцентом.

— Хорошо. Теперь для птичьего племени.

Маугли повторил те же слова, закончив фразу криком коршуна.

— Теперь для племени змей, — сказала Багира.

В ответ послышалось шипение, потом Маугли откинул ногу назад, сжал руки, захлопал в ладоши, прыгнул на спину Багире и уселся на ней, свесив ноги сбоку, поколачивая пятками

по ее мягкой блестящей шерсти и в то же время корча ужасные гримасы медведю Балу.

— Ну, ну, из-за этого стоило тебя поколотить, — нежно сказал медведь. — Ты когда-нибудь меня вспомнишь!

И обернувшись к Багире, он рассказал ей, как Хатхи, дикий слон, который знает все, научил его Великим Словам, а потом отнес Маугли к болоту, чтобы мальчик услышал змеиное слово от водяной змеи; сам Балу никак не мог произнести его как следует. Наконец медведь прибавил, что Маугли теперь может ничего не бояться в джунглях.

Пока Балу и Багира разговаривали, Маугли тоже говорил им что-то и очень волновался.

— Пожалей мои ребра, маленький братец. Зачем ты скачешь взад и вперед? — сказала пантера.

Маугли хотел, чтобы его слушали, он что-то говорил, дергал Багиру и колотил ее ногами. Когда наконец медведь и пантера обратили на него внимание, он во весь голос прокричал:

— Понимаете, у меня будет своя собственная стая, я буду целый день водить мой народ по вершинам деревьев.

— Что это еще за новая выдумка, маленький мечтатель? — спросила Багира.

— Да, и бросать ветки и грязь в Балу, — продолжал Маугли. — Они мне обещали это.

Бац! Большая лапа Балу сбила Маугли со спины Багиры, и, лежа на траве между большими передними лапами медведя, мальчик увидел, что Балу сердится.

— Маугли, — сказал Балу, — ты разговаривал с Бандар-Логоми — народом обезьян!

Маугли посмотрел на Багиру, чтобы понять, рассердилась ли также пантера, и заметил, что взгляд ее стал жестким, как камень яшма.

— Ты был у обезьяньего племени, ты играл с серыми обезьянами, с народом без закона, — сказала пантера. — Как стыдно!

— Когда Балу ударил меня по голове, — сказал Маугли (он все еще лежал на спине), — я убежал, и ко мне с деревьев спустились серые обезьяны, они пожалели меня, никто больше обо мне не подумал.

— Сострадание обезьян! — Балу фыркнул. — Тишина горного потока! Прохлада летнего солнца! А что было потом, человеческий детеныш?

— Потом... потом они дали мне орехов и других хороших вещей и... и на руках отнесли меня на вершины деревьев, сказали, что я их брат по крови, что я отличаюсь от них только тем, что у меня нет хвоста, что когда-нибудь я сделаюсь их предводителем.

— У них нет предводителя, — сказала Багира. — Они лгут, они всегда лгали.

— Они были очень добры ко мне и просили меня вернуться к ним. Почему меня никогда не водили к обезьянам? Они ходят на задних лапах, как я. Они не били меня, они целый день играют. Позволь мне уйти на вершины деревьев. Злой Балу,пусти меня к ним. Я опять поиграю с ними.

— Слушай, человеческий детеныш, — сказал Балу, и его голос зазвучал, как гром в жаркую ночь. — Я научил тебя законам всех племен, живущих в джунглях, не говорил только о племени обезьян. У них нет закона. Их все презирают. У них нет собственного языка, они пользуются подслушанными словами; их обычаи непохожи на наши. У них нет предводителя, у них нет памяти. Они хвастаются, болтают, уверяют, что они — великий народ, который совершил великие деяния, но едва упадет орех, как Бандар-Логи начинают смеяться и забывают обо всем. Мы не имеем никаких дел с ними. Мы не пьем там, где пьют обезьяны. Мы не охотимся там, где они охотятся, мы не умираем там, где умирают они. Слышал ли ты до сегодняшнего дня, чтобы я когда-нибудь говорил о Бандар-Логох?

— Нет, — прошептал Маугли. Теперь, когда Балу замолчал, в лесу было совсем тихо.

— Народ джунглей не думает и не говорит о них. Их очень много, они злы, грязны, бессовестны и во что бы то ни стало хотят, чтобы мы замечали их, но мы их не замечаем, даже когда они бросают в нас орехи и грязь.

Едва он выговорил эти слова, как сверху посыпался град орехов и сухих веток, слышались кашель, вой, сердитые возгласы.

— Племя обезьян для нас не существует, — сказал Балу, — запомни это!

Посыпался новый град, и звери убежали. Балу сказал правду. Обезьяны жили в вершинах деревьев, и так как звери почти никогда не смотрят вверх, они редко сталкивались с племенем Бандар-Логов. Однако когда обезьяны находили больного волка, раненого тигра или медведя, они мучили его; кроме того, они бросали палки и орехи во всех зверей. Потом они выли и выкрикивали бессмысленные песни, звали к себе на деревья четвероногих жителей джунглей, предлагали им сразиться, иногда дрались между собой из-за ерунды и бросали убитых обезьян там, где звери джунглей могли увидеть их. Они все собирались выбрать себе предводителя, придумать для себя законы, но никогда не делали этого, потому что у них совсем не было памяти. Ни один из зверей не мог подобраться к ним, зато никто и не замечал их. Поэтому они так обрадовались, когда Маугли пришел поиграть с ними.

Одна из обезьян предложила остальным удержать Маугли, так как он умел сплести прутья для защиты от ветра. По ее мнению, поймав человеческого детеныша, они могли заставить его выучить их этому искусству и другим полезным вещам.

Все обезьяны бесшумно бежали за Балу и Багирой и следили за ними, пока не настало время полуденного отдыха. Когда Багира и Балу легли спать в кустах, Маугли, стыдившийся сам себя, заснул между пантерой и медведем, решив не иметь больше никакого дела с обезьяньим народом.

Вдруг он почувствовал, что какие-то руки — жесткие, сильные, маленькие — крепко держат его за ноги и плечи, потом ветви дотронулись до его лица, наконец он совсем очнулся от сна и понял, что обезьяны унесли его. Он посмотрел вниз сквозь качающиеся сучья деревьев, услышал громкий рев Балу и увидел Багиру, которая взбиралась на дерево, показывая все свои белые острые зубы. Обезьяны выли от восторга и карабкались на самые верхние ветви, на которые Багира не могла взобраться. Племя Бандар-Логов кричало:

— Она нас заметила! Багира нас заметила! Все звери джунглей восхищаются нашей ловкостью и хитростью!

И обезьяны бросились бежать. Нельзя описать их бегства по вершинам деревьев. У них там есть собственные дороги, обходные дорожки, подъемы и спуски, и все это на высоте 50 или 70 футов над землей. Две самые сильные обезьяны схватили Маугли под руки и прыгали с ним с одного дерева на другое, делая скачки в двадцать футов. Если бы они были одни, они могли бы бежать вдвое скорее, но тяжесть тела мальчика удерживала их. Хотя у Маугли сильно кружилась голова, ему нравилось это быстрое бегство, тем не менее ему было страшно, когда он видел землю далеко внизу под собой. Ужасный треск ветвей во время прыжков обезьян заставлял сжиматься его сердце. Обезьяны втаскивали мальчика на вершины деревьев и останавливались только тогда, когда самые тонкие ветви вершин начинали под ними ломаться. Тогда они с дикими воплями прыгали вниз, хватаясь за ветви соседних деревьев. Иногда Маугли видел окрестности на много миль вокруг, как с верхушки мачты, потом ветки и листья ударяли его по лицу, и он и его два спутника снова спускались почти к самой земле. Так, прыгая, ломая ветви, с воем, племя Бандар-Логов несло по древесным дорогам, увлекая с собой своего пленника, Маугли.

Иногда мальчику казалось, что его сейчас бросят вниз; он начал сердиться, однако решил не отбиваться и стал думать. Прежде всего следовало дать знать о себе Балу и Багире. Он понимал, что его друзья сильно отстанут от обезьян. Искать помощников внизу не стоило: Маугли видел только ветви, а потому он поднял глаза вверх и вдруг высоко в синем небе заметил коршуна Чилия, который то делал большие круги, то висел в воздухе, выискивая добычу. Чиль увидел, что обезьяны тащат что-то, и спустился пониже, чтобы посмотреть, не несут ли они чего-нибудь съедобного. Увидев Маугли, он засвистел от удивления. В эту минуту мальчик сказал ему Великое Слово для птиц. Волны листвы сомкнулись над Маугли, но Чиль, распустив крылья, остановился в воздухе над следующим деревом и успел снова увидеть среди ветвей маленькое бронзовое лицо:

— Заметь, куда меня уносят, — крикнул Маугли, — и скажи об этом Балу и Багире.

— От чьего имени, брат?

До сих пор Чиль никогда не видел Маугли, хотя и слышал о нем.

— Я Маугли-лягушка. Меня называют человеческим детенышем. Заметь мой сле-е-ед.

Он выкрикнул последние слова в тот момент, когда его подбросили в воздух, но Чиль кивнул головой и так высоко поднялся, что казался теперь только небольшим пятном на лазури. Он замер в воздухе, наблюдая своими зоркими глазами за колебанием вершин деревьев, качавшихся от движений обезьян.

— Они никогда не уходят далеко, — сказал он, посмеиваясь. — Они никогда не делают того, что задумали. Племя Бандар-Логов бросается на все новое. На этот раз мне кажется, они навлекут на себя неприятности, потому что Балу не трус, а Багира способна убивать, и не только диких коз!

Он качался на своих сильных крыльях, подобрав под себя лапы, и ждал.

Между тем Балу и Багира выходили из себя от печали и ярости. Багира взбиралась на деревья так высоко, как никогда, но тонкие ветви ломались под ее тяжестью, и наконец она совсем соскользнула вниз, обдирая кору когтями.

— Зачем ты не предупредил человеческого детеныша, — проревела она, обращаясь к бедному Балу, который пустился неуклюжей рысью в погоню за обезьянами. — Стоило ли бить его чуть не до полусмерти, если ты не предупредил его!

— Скорее, о, скорее! Мы... мы еще можем нагнать их, — задыхаясь, прохрипел Балу.

— Такой-то рысью? От такой скорости не устала бы даже раненая корова! Ах ты, преподаватель закона, каратель детенышей! Если ты прокачаешься так с милю, ты лопнешь от усталости. Садись и думай. Составь план. Нечего преследовать их! Если мы слишком быстро настигнем обезьян, они сбросят его с дерева, и он убьется.

— Угу-угу! Они, может быть, уже бросили его. Можно ли доверять этому племени! Брось мне на голову мертвых нетопырей, корми меня черными бобами! Кинь меня в улей диких пчел, и пусть они зажалят меня до смерти, зарой меня вместе с гиеной, потому что я самый жалкий из всех медведей. Бр-бр-рр! Ах, Маугли, Маугли. Зачем я не предупредил тебя относительно племени обезьян, вместо того чтобы тебя колотить? Может быть, я выбил из его ума весь урок, и он останется один в джунглях, забыв Великие Слова.

Балу обхватил передними лапами голову и со стоном покачивался из стороны в сторону.

— Совсем недавно он правильно повторил мне все слова, — нетерпеливо сказала Багира. — Балу, у тебя нет ни памяти, ни уважения к себе! Подумай, что сказали бы лесные звери, если бы я, черная пантера, свернулась, как дикобраз Сахи, и стала бы выть?

— Что мне за дело до зверей джунглей? Может быть, он уже умер!

— Если только они не сбросят его с дерева или не убьют из лени, за него нечего бояться. Он умен и хорошо воспитан, главное же — уметь взглядом пугать обитателей леса. Однако (и это очень дурно) он в плену у Бандар-Логов, а обезьяны, живущие на деревьях, не боятся никого из нас.

Багира задумчиво полизала переднюю лапу.

— Какой я глупец! Ах я, коричневый жирный глупец, — сказал Балу, быстро выпрямляясь. — Я все забыл. Но слушай: Хатхи, дикий слон, говорит: «Каждый боится чего-нибудь», а племя обезьян боится Каа, питона скал. Он может не хуже их подниматься на деревья и ночью уносить маленьких обезьян. Если даже шепотом сказать его имя, их противные хвосты холодеют. Пойдем к питону Каа.

— Разве он согласится помочь нам? Он не принадлежит к нашему племени, потому что у него нет ног и у него такие дурные глаза, — сказала Багира.

— Каа очень стар и очень хитер. Главное же — он всегда голоден, — ответил медведь. — Обещай подарить ему много коз.

— Когда он сытно поест, он спит целый месяц, — заметила пантера. — Может быть, он теперь отдыхает после еды? А если он даже и не спит, может быть, ему самому захочется поохотиться?

Багира мало знала Каа, а потому опасалась всего.

— В таком случае, может быть, мы с тобой сумеем заставить его ползти с нами.

Балу потерял своим старым вылинявшим коричневым плечом о пантеру, и они пошли к горному питону.

Они увидели его на теплой скалистой площадке. Он лежал и грелся в лучах послеобеденного солнца, любясь своим красивым новым нарядом. Последние десять дней он нигде не показывался, так как менял кожу, и теперь казался очень щеголеватым. Он поднял свою тупоносую большую голову, протянул ее над землей и, свивая длинное, тридцатифутовое тело в причудливые узлы и спирали, облизал языком губы.

— Он еще не ел, — сказал Балу и заворчал от удовольствия, заметив красивую кожу змеи с коричневыми и желтыми пятнами. — Осторожнее, Багира. После того как он переменит кожу, он всегда бывает слеповат и иногда кидается на всех, кого завидит.

Каа не был ядовит (он даже презирал ядовитых змей, считая их коварными трусами), и вся его сила заключалась в его величине. Когда он обвинял животное своими громадными кольцами, его жертва не могла спастись.

— Хорошей охоты! — крикнул Балу, садясь на задние лапы. Как все питоны, Каа был немного глух и не сразу услышал приветствие. Услышав же, он на всякий случай свернулся и наклонил голову.

— Хорошей охоты всем нам, — ответил Каа Балу. — Что ты здесь делаешь? Хорошей охоты, Багира. Нет ли слухов о дичи? Нет ли вблизи оленя или молодого козла? Я пуст, как сухой колодец.

— Мы охотимся, — небрежно произнес Балу. Он знал, что никогда не следует торопить Каа.

— Позвольте и мне отправиться с вами, — сказал Каа. — Одной дичиной больше или меньше — для вас неважно, Багира и Балу. Мне же иногда приходится ждать по многу дней на лесных дорожках и лазать по деревьям целые ночи, чтобы застигнуть какую-нибудь молодую обезьяну. Пшшш! Ветви совсем переменились с тех пор, как я был молод. Теперь все они гнилые, непрочные.

— Может быть, это зависит от твоей тяжести, — заметил Балу.

— Я длинный, очень длинный, — с гордостью заметил Каа. — Но все-таки молодой лес стал непрочен. Во время последней охоты я чуть было не упал, и когда скользил вниз (мой хвост недостаточно крепко обвился вокруг дерева), шум разбудил обезьян, они стали кричать, называя меня самыми оскорбительными именами!

— Безногий, желтый, дождевой червяк, — шепотом сказала Багира, точно вспоминая что-то.

— Ссссссссс! Неужели они назвали меня так? — спросил Каа.

— Да, они кричали что-то в этом роде во время последнего полнолуния, но ведь мы их не замечаем! Пусть говорят что угодно, даже что ты потерял все зубы и боишься всякого зверя побольше козленка (они так бессовестны, эти Бандары!), что ты боишься рогов козлов, — сладким голосом продолжала Багира.

Всякая змея, особенно же воинственный старый питон вроде Каа, редко показывает раздражение, но Балу и Багира заметили, как большие глотательные мускулы по обеим сторонам горла Каа задрожали и надулись.

— Бандар-Логи ушли куда-то, — спокойно сказал питон. — Когда я сегодня выполз на солнце, я слышал, как они кричали в ветвях деревьев.

— Мы преследуем теперь это племя, — сказал Балу, но поперхнулся словами, потому что в первый раз один из зверей джунглей сознался, что его занимают обезьяны.

— Без всякого сомнения, что-нибудь важное заставляет двух таких охотников, как вы, идти по следу Бандар-Логов, — вежливо ответил Каа, надувшись от любопытства.

— Да, правда, — начал Балу, — я старый и иногда очень неблагоприятный учитель закона для молодых волков, а Багира...

— Багира — Багира и есть, — сказала черная пантера, и ее челюсти закрылись так, что зубы щелкнули, ей не понравилось смирение Балу. — Вот в чем дело, Каа. Эти воры орехов

и подбиратели пальмовых листьев украли нашего человеческого детеныша, о котором ты, может быть, слышал.

— Сахи (надо сказать, что иглы делают его довольно несносным) болтал о человеческом детеныше, которого приняли в волчью стаю, но я не поверил ему. Сахи вечно услышит что-нибудь и потом повторяет, но многое он путает.

— Дикобраз Сахи сказал правду.

— Знаешь, никогда на свете не было такого человеческого детеныша! Он добрый, умный, смелый. Он мой воспитанник и прославит имя Балу во всех джунглях, кроме того, я... Мы любим его, Каа.

— Тзз, тзз, — сказал Каа, вертя головой взад и вперед. — Я тоже когда-то знал, что такое любовь. Я мог бы порассказать вам...

— Рассказывать нужно в светлую лунную ночь, когда все сыты, — быстро сказала Багира. — Наш человеческий детеныш в руках обезьян, а мы знаем, что из всех обитателей джунглей они боятся только одного Каа.

— Меня одного? И они правы, — сказал Каа. — Обезьяны болтливы, глупы, тщеславны, тщеславны, глупы и болтливы. Но если ваш человеческий детеныш попал в их руки, ему придется плохо. Им скоро надоедают подобранные орехи, и тогда они бросают их с деревьев. Они половину дня носят с собой ветку, намереваясь многое сделать с ней, а потом вдруг без причины ломают ее. Да, ему не позавидовать. И они назвали меня желтой рыбой, вы говорите? Да?

— Червяком, червяком, дождевым червем, — сказала Багира, — и они дали тебе еще много других названий, которые мне стыдно повторять.

— Следует напомнить им, что они должны почтительно говорить о своем господине. Нам нужно освежить их плохую память. Ну так куда же побежали они с детенышем?

— Это знают только одни джунгли. Кажется, они направились к стороне заката солнца, — сказал Балу. — Мы думали, что ты знаешь это, Каа.

— Я? Как? Я ловлю их, когда они попадают на моей дороге, но я не охочусь за племенем Бандар-Логов, или за лягушками, или за зеленой тиной в воде. Ксссс.

— Эй, эй, вверх, вверх, взгляни вверх, Балу.

Балу поднял голову, чтобы посмотреть, кто зовет его, и увидел коршуна Чилия, который спускался вниз. Солнце освещало верхние части его крыльев. Подходило время сна птиц, но Чиль несся над джунглями, отыскивая медведя.

— Что тебе? — спросил Балу.

— Я видел Маугли с племенем обезьян. Он просил меня сказать это тебе. Я наблюдал за ними. Бандар-Логи унесли его за руки в город обезьян, в Холодные Логовища. Может быть, они останутся там одну ночь, или десять ночей, или только час. Я поручил летучим мышам сторожить их в темноте. Хорошей охоты всем вам там, внизу.

— Желаю тебе всегда иметь полный зоб и крепко спать, — крикнула Багира. — Я не забуду тебя во время моей следующей охоты. Я отложу для тебя, лучшего из коршунов, голову убитого козла.

— Не стоит, не стоит. Мальчик сказал Великое Слово, я не мог не исполнить его просьбу. — И Чиль стал снова описывать круги в воздухе, улетаая к своему гнезду.

— Он не забыл, какие слова нужно говорить, — заметил Балу и тихонько засмеялся от гордости. — Только подумать, что такой маленький детеныш вспомнил Великое Слово для птиц в то время, как обезьяны тащили его через чащу ветвей.

— Ему сильно вбивали в голову эти слова, — сказала Багира, — но я горжусь им. Ну а теперь нам нужно идти к Холодным Логовищам.

Все жители джунглей знали это место, но очень немногие посещали его, так как то, что они называли Холодными Логовищами, было старым заброшенным человеческим городом, а дикие создания редко бывают в покинутых селениях людей. Кабаны заходят в такие места, но племена охотников — нет. Кроме того, там жили обезьяны (если о них можно сказать, что они живут где-нибудь), и ни один зверь, который себя уважает, не считал нужным бывать в

области Бандар-Логов, за исключением времени засухи, когда в полуразрушенных водоемах и бассейнах старого города сохранялось немного воды.

— Да, туда придется идти полночи полным ходом, — сказала Багира. Балу казался озабоченным.

— Я побегу изо всех сил, — тревожно заметил он.

— Мы не будем ждать тебя. Мы должны бежать скорыми шагами.

— Есть у меня ноги или нет, я не отстану от твоих лап, — сухо заметил Каа. Балу попытался броситься бегом, но ему пришлось остановиться: он задыхался. Багира пустилась быстрой рысью пантеры. Каа ничего не сказал, но, как ни торопилась пантера, громадный скалистый питон не отставал от нее. Когда они очутились возле горного потока, Багира опередила его, так как перескочила через ручей, питон же переплыл поток, подняв голову и два фута своей шеи. На земле Каа скоро догнал Багиру.

— Ну, ты быстр, — сказала Багира, когда наступили сумерки.

— Я голоден, — ответил Каа. — Кроме того, они назвали меня пятнистой лягушкой.

— Червяком, червяком, дождевым червем, да вдобавок еще желтым!

— Все равно. Вперед! — Казалось, что Каа лился по дороге, он быстро находил самый короткий путь и избирал его.

В Холодных Логовищах племя обезьян веселилось и не думало о друзьях Маугли. Бандар-Логи перенесли мальчика в брошенный город и очень важничали этим. Маугли никогда в жизни не видал ни одного индийского города, и хотя это была груда развалин, Логовища показались ему чем-то изумительным и великолепным. Давно-давно какой-то царь выстроил этот город на небольшом холме. Кое-где еще сохранились мостовые, которые вели к обрушившимся воротам с деревянными досками, висевшими на обломанных и заржавевших петлях. На городских стенах и возле них выросли деревья. Здания развалились и обветшали, дикие ползучие растения разрослись и свешивались из окон башен.

На вершине холма стоял большой дворец без крыши. Мраморные плиты, которыми были выложены дворы и бассейны фонтанов, треснули и покрылись красными и зелеными пятнами плесени, даже каменная площадка, где прежде стояли царские слоны, искривилась, потому что между камнями проросла трава. С холма виднелись ряды домов без крыш, бесформенный кусок камня, бывший когда-то идолом, водоемы на углах улиц и купола храмов, окруженные дикими фиговыми деревьями. Обезьяны называли это место своим городом и уверяли, что они презирают зверей джунглей за то, что те живут в лесу. А между тем Бандар-Логи не знали, зачем были выстроены эти здания, и не умели пользоваться ими. Иногда серые обезьяны собирались вместе, усаживались кружками в зале царского совета, ловили блох и говорили между собой, что они люди, потом кидались в полуразрушенные дома, через минуту выбегали из них, собирали кусочки замазки и обломки мрамора, заботливо складывали все в уголок, тотчас же забывали, где спрятали свои сокровища, дрались, кричали, толпились. Вскоре они принимались играть и бегать по террасам царского сада. Они изо всех сил трясли высокие розы и апельсиновые деревья, чтобы видеть, как падают на землю цветы и плоды. Они осматривали все темные проходы дворца, сотни маленьких темных комнат, но ничего не запоминали. Они пили в водоемах, поднимали муть, дрались из-за питья, потом все вместе собирались в толпу и кричали:

— Нет никого в джунглях, кто был бы так добр, умен, силен и кроток, как мы — племя Бандар-Логов!

И опять поднималась возня и продолжалась, пока город не надоедал обезьянам и они не возвращались на вершины деревьев в надежде, что население зарослей заметит их.

Маугли, воспитанному в законе джунглей, не нравились манеры Бандар-Логов. Обезьяны унесли его в Холодные Логовища вечером и не легли спать, как сделал бы Маугли после долгого путешествия. Напротив, они взялись за руки и принялись плясать и петь какие-то нелепые песни. Одна из обезьян обратилась с речью к своим товарищам и сказала им, что плен Маугли — великое событие, потому что человеческий детеныш покажет им, как свивают и плетут ветки и тростник, чтобы защищаться от дождя и ветра. Маугли поднял

несколько ползучих трав и сплел из них циновку. Обезьяны старались подражать ему, но через несколько мгновений это надоело им, и они принялись дергать друг друга за хвосты или прыгать взад и вперед на всех четырех лапах и кашлять.

— Я хочу есть, — сказал Маугли. — Принесите мне чего-нибудь или позвольте поохотиться.

Обезьян двадцать-тридцать бросилось за орехами и за дикими ягодами, но по дороге обратно они передрались между собой, уронили свою ношу и решили, что не стоит нести сохранившиеся ягоды. Маугли очень хотелось есть, кроме того, ему было грустно и досадно. Он бродил по пустому городу, время от времени выкрикивая охотничий зов, но никто не отвечал ему.

«Правду говорил Балу, — подумал он, — у обезьян нет ни закона, ни охотничьего крика, ничего, кроме глупых слов и маленьких воровских лап. Если я умру здесь от голода или меня убьют, я сам буду виноват. Однако нужно постараться вернуться в родные джунгли. Конечно, Балу поколотит меня, но, право, это лучше, чем бегать за упавшими розовыми лепестками с Бандар-Логами».

Он подошел к городской стене, в ту же минуту обезьяны схватили его и потащили обратно, говоря, что он должен быть счастлив, что попал в их город. Они также принялись его щипать, чтобы заставить благодарить их. Маугли сжал зубы и молча пошел с обезьянами на верхнюю террасу, на которой были устроены водоемы, до половины наполненные водой. Тут же стояла белая мраморная беседка, выстроенная лет сто назад. Половина ее обвалилась внутрь и загородила подземный проход из дворца, по которому прежде в нее входили царицы. Стены были сделаны из мраморных резных досок и украшены агатами, корнелинами и яшмой. Как ни был Маугли огорчен, как ни хотелось ему спать и есть, он все же невольно засмеялся, когда около двадцати обезьян принялись твердить ему, как они велики, мудры, сильны и кротки и как глуп он, желая уйти от них.

— Мы велики, мы свободны. Мы — самое удивительное племя в джунглях. Мы все говорим это, значит, это правда, — кричали они.

— Ты в первый раз у нас и, конечно, передашь наши слова жителям джунглей, а потому мы расскажем тебе, какие мы хорошие, умные, ловкие, добрые...

Маугли не спорил с ними. Обезьяны собрались огромной толпой, и как только одна из них переставала говорить, все кричали:

— Это правда, мы все говорим это!

Маугли кивал головой, моргал глазами и говорил «да», когда они задавали ему вопросы. От их шума у него закружилась голова.

«Вероятно, Табаки-шакал искушал их, — подумал он, — и они все сошли с ума от его укусов. Неужели они никогда не спят? Вот на луну находит облако, если оно окажется достаточно большим, я в темноте попытаюсь убежать от них. Только я так устал».

За тем же облаком наблюдали два друга Маугли — Багира и Каа, которые притаились во рву под городской стеной. Они знали, как опасны обезьяны, когда они нападают толпой на одного, и не хотели подвергаться этому.

— Я поползу к западной стене, — прошипел Каа, — и поднимусь на нее. На меня они не бросятся, на тебя же...

— Я знаю, — сказала Багира. — Жаль, что Балу нет с нами. Однако попробуем сделать все что можно. Когда облако закроет луну, я прокрадусь на террасу. Они собрались там.

— Желаю удачной охоты, — мрачно сказал Каа и пополз к западной стене. Она меньше развалилась, чем все другие, и питон довольно долго искал место, по которому он мог бы подняться. Облако закрыло луну. Как раз в ту минуту, когда Маугли раздумывал, бежать ли ему от обезьян или нет, он услышал на террасе легкие шаги Багиры. Черная пантера почти бесшумно поднялась на откос горы. Вскоре она кинулась на обезьян, разбрасывая их вправо и влево и пробираясь к Маугли через их густые ряды. Послышался испуганный и злобный вой Бандар-Логов. Вдруг одна обезьяна закричала:

— Здесь только один зверь, убьем его, убьем его!

Толпа обезьян бросилась на пантеру, они кусали ее, царапали, разрывали ей кожу. Пять или шесть Бандар-Логов схватили Маугли, втащили его на стену беседки и бросили вниз через отверстие в разбитой крыше. Мальчик, воспитанный среди людей, конечно, страшно разбился бы, но Маугли упал, как его научил падать Балу, и остался на ногах.

— Сиди там! — крикнули обезьяны, — пока мы не уьем твоих друзей, а потом мы займемся тобой, если только ядовитое племя оставит тебя в живых. (В каждой индийской развалине рано или поздно заводятся змеи, и старая беседка была полна кобрами.)

— Вы и я одной крови, — сказал Маугли и быстро закончил фразу шипением. Он услышал легкий шелест в мраморных обломках и для верности повторил змеиное слово второй раз.

— Хорош-ш-шо. Сузьте шеи, — проговорили тихие голоса. — Стой неподвижно, маленький братец, иначе ты навредишь нам.

Маугли стоял тихо, глядя сквозь резьбу и прислушиваясь к ужасному шуму борьбы. До него доносились крики обезьян и рев Багиры, которая прыгала взад и вперед, отбиваясь от врагов. В первый раз Багира сражалась ради спасения жизни.

«Вероятно, Балу близко. Багира не пришла бы одна», — подумал Маугли и громко закричал: — К водоему, Багира! Скатись в водоем. Скатись, нырни! К воде, Багира, к воде!

Багира услышала, и крик Маугли, который доказал ей, что мальчик жив, придал пантере новые силы. Отчаянно, дюйм за дюймом, поднималась она к бассейну и билась молча. Вдруг со стороны ближайшей к джунглям стены раздался громовой военный крик Балу. Старый медведь бежал изо всех сил, но не мог явиться раньше.

— Багира, — кричал он, — я здесь. Я лезу! Я тороплюсь! Камни осыпаются из-под моих лап! Подождите, вот я приду! Эй, вы, бессовестные Бандар-Логи!

Он, задыхаясь, бежал по террасе и вскоре исчез под массой обезьян, кинувшихся на него, но Балу быстро и ловко поднялся на задние лапы, вытянул передние и охватил ими столько врагов, сколько могло поместиться в его страшных объятиях, потом он принялся бить вправо и влево.

Плеск воды донес до Маугли, что Багира бросилась в водоем, где обезьяны не могли преследовать ее. Пантера лежала, выставив из воды одну голову, а ее враги тремя рядами стояли на красных ступенях, с яростью прыгали взад и вперед и, конечно, кинулись бы на нее, если бы она вышла на берег, чтобы помочь Балу. И вдруг Багира вытянула шею и в отчаянии произнесла призыв змеи:

— Мы одной крови — ты и я!

Она думала, что Каа в последнюю минуту обратился в бегство. Балу, которого со всех сторон одолевали обезьяны, все же не мог не посмеяться, услышав, что черная пантера зовет питона на помощь.

Между тем Каа перебрался через западную стену, изгибаясь с такой силой, что большой камень свалился в ров. Он несколько раз свернулся и развернулся, чтобы удостовериться, что все его длинное тело в полном порядке. Пока продолжался бой Балу с обезьянами, Манг, летучая мышь, разносила по джунглям весть о великой битве. Все звери узнали о бое, и Хатхи, дикий слон, затрубил в свой длинный хобот.

Рассеянные в лесу стаи обезьян проснулись и, прыгая с дерева на дерево, побежали к Холодным Логовищам на помощь товарищам. Все дневные птицы проснулись. Каа быстро бросился на террасу. Вся сила питона заключается в ударе его головы, которая бьет жестоко. Питон в четыре или пять футов может свалить человека, если ударит его головой в грудь, а, как вы знаете, Каа был тридцати футов длиной. Первый удар он нанес в самую середину толпы обезьян, окружавших Балу, второго же удара не понадобилось. Обезьяны рассыпались во все стороны с криком:

— Каа! Каа! Это Каа! Бегите, бегите!

Все Бандар-Логи знали о существовании Каа, ночного вора, который скользил вдоль ветвей так же бесшумно, как растет мох, и мог уносить даже очень больших обезьян, умел делаться неподвижным, как сухой ствол, обманывая самых опытных из них. Больше же всего

обезьяны боялись Каа, потому что они не знали пределов его силы и не могли смотреть ему прямо в глаза. Они взобрались на стены и крыши домов. Балу с облегчением вздохнул. У него была гораздо более густая шерсть, чем у Багиры, но и он жестоко пострадал в бою. Тут Каа в первый раз открыл рот и произнес длинное свистящее змеиное слово; обезьяны, бежавшие на помощь своим товарищам, остановились. Обезьяны на стенах и домах перестали кричать, и среди тишины, наступившей в городе, Маугли услышал, как Багира отряхивалась, выйдя из водоема. Вскоре снова начался шум. Обезьяны карабкались на стены все выше, визжали и кричали. Маугли, прыгая от нетерпения в беседке, прижался лицом к резным стенам.

— Выньте человеческого детеныша из этой ловушки, — сказала Багира. — Возьмем его и уйдем. Они могут опять напасть.

— Они не двинутся, пока я не прикажу им. С-с-с-стойте! Тиш-ш-ш-ше, — прошипел Каа, и в городе снова все затихло. — Я не мог явиться раньше, но я слышал, как ты позвала меня...

— Может быть... может быть, я и закричала во время битвы, — ответила Багира. — Балу, ты ранен?

— Мне кажется, они разорвали меня на сотни маленьких кусочков, — сказал Балу, потряхивая то одной, то другой лапой. — Ох, у меня все болит! Мне кажется, Каа, что мы с Багирой обязаны тебе жизнью.

— Это неважно! Где человек?

— Здесь, в ловушке. Я не могу вылезти, — закричал Маугли.

— Возьмите его отсюда. Он прыгает, как павлин, и, пожалуй, передавит наших детенышей, — сказали кобры, бывшие внутри беседки.

— Ага, — посмеиваясь, заметил Каа, — у него друзья повсюду. Отойти немного, человеческий детеныш, а ты, ядовитое племя, спрячься. Я свалю стену.

Каа внимательно осмотрел резьбу и, найдя трещину, которая обозначала слабое место стены, раза три дотронулся до нее головой, чтобы рассчитать расстояние, а потом, поднявшись футов на шесть от земли, нанес носом с полдюжины сильных ударов. Резьба сломалась, упала, поднялось облако пыли, посыпались обломки. Маугли выскочил через отверстие и бросился между Балу и Багирой, обняв руками шеи обоих зверей.

— Ты не ранен? — спросил Балу, нежно обнимая его.

— Я голоден, мне больно, я очень разбит. Но вы-то, вы жестоко пострадали от них, мои братья, вы в крови!

— Они тоже в крови, — сказала Багира, обливаясь и поглядывая на мертвых обезьян.

— Это ничего, ничего, только бы ты был жив, о, моя гордость, лучшая из маленьких лягушечек, — сказал Балу.

— Об этом поговорим позже, — сухо заметила Багира, что не очень понравилось Маугли. — Но, Маугли, здесь Каа, который помог нам выиграть битву. Ты обязан ему жизнью. Поблагодари же его по нашему обычаю.

Маугли обернулся и увидел голову большого питона, которая качалась на фут выше его.

— Вот каков человеческий детеныш, — сказал Каа, — у него очень нежная кожа, и он похож на обезьяну! Берегись, маленький, чтобы я когда-нибудь в полусумраке не принял тебя за одного из Бандар-Логов.

— Мы одной крови — ты и я, — ответил Маугли. — Сегодня ты дал мне жизнь. О, Каа, если ты когда-нибудь будешь голоден, моя дичь к твоим услугам.

— Благодарю, маленький братец, — сказал Каа, хотя его глаза блестели жадностью. — А что может убивать такой храбрый охотник? Я спрашиваю, так как хочу идти с ним, когда он отправится на охоту.

— Я ничего не убиваю, я еще слишком мал, но я загоняю коз для зверей, которым они могут понадобиться. Когда ты будешь голоден, приползи ко мне, и ты увидишь, говорю ли я правду. Они довольно ловки, — он показал на свои руки, — и если ты когда-нибудь

попадешь в западню, я уплачу мой долг тебе. Хорошей охоты тебе, Багире и Балу!

— Хорошо сказано, — проворчал Балу.

Питон на минуту положил голову на плечо Маугли.

— Храброе сердце и вежливый язык, — сказал он. — Ты пойдешь далеко, маленький человек. Теперь же уходи отсюда поскорее вместе с твоими друзьями. Ложитесь спать, вам не надо видеть то, что здесь будет.

Луна заходила за горы. Обезьяны, собравшиеся на стенах и строениях, казались дрожащими лоскутами. Балу подошел к водоему, чтобы напиться, Багира начала чистить свою шкуру. Между тем Каа выполз на середину террасы и сжал челюсти так, что они стукнули одна о другую. Глаза всех обезьян обратились к нему.

— Луна заходит, — сказал он, — но достаточно светло, чтобы видеть.

Со стен послышался стон, похожий на шелест ветра в листьях.

— Мы видим, о, Каа!

— Хорошо. Теперь начинается танец, танец голода питона Каа. Сидите смирно и смотрите.

Он два или три раза обвел головой круг, потом начал делать своим длинным телом петли и восьмерки, мягкие треугольники, которые превращались в квадраты и в пятиугольные фигуры. Питон не останавливался, не торопился, не отдыхал и все время пел какую-то жужжащую песню. Становилось все темнее и темнее.

Наконец извилистое тело змеи исчезло, слышалось только шуршание ее чешуи.

Балу и Багира стояли, как каменные, они слегка ворчали, их щетина поднялась. Маугли же смотрел спокойно.

— Бандар-Логи, — послышался наконец голос Каа, — можете ли вы без моего приказанья двинуться? Говорите.

— Мы не можем двинуться без твоего приказанья, о, Каа!

— Хорошо. Сделайте ко мне один шаг.

Обезьяны медленно двинулись. Балу и Багира тоже выступили вперед.

— Ближе, — прошипел Каа. Обезьяны подвинулись опять.

Маугли положил руки на Балу и на Багиру, чтобы удержать их, и большие звери вздрогнули, точно внезапно проснулись.

— Держи руку на моем плече, — прошептала Багира. — Касайся меня, не то я вернусь... я вернусь к Каа.

— Да ведь Каа только кружится в пыли, — сказал Маугли, — уйдем.

Все трое пробежали через проломленную стену в джунгли.

— Ой, — сказал Балу, остановившись под большими деревьями. — Никогда в жизни я больше не буду биться вместе с Каа! — И он вздрогнул всем телом.

— Он знает больше нашего, — дрожа сказала Багира. — Если бы я осталась, я скоро сама пошла бы к нему в челюсти.

— Сегодня у него будет и без того хорошая охота, — заметил Балу.

— В чем же дело? — спросил Маугли, не знавший силы питона, который умел взглядом приманивать к себе добычу. — Я видел только большую змею, которая описывала в пыли какие-то глупые круги и фигуры. И у него совсем разбит нос! Ха-ха-ха-ха!

— Маугли, — сказала Багира, — его нос разбит из-за тебя, из-за тебя же изорваны мои уши, бока и лапы, а шея и плечи Балу искусаны. Ни Балу, ни Багира не будут с удовольствием охотиться еще много-много дней.

— Правда, — сказал Балу, — но это ничего. Мы спасли человеческого детеныша.

— Он дорого обошелся нам, мы покрыты ранами. У меня выдергали почти половину шерсти на спине, наконец наша честь пострадала. Подумай, Маугли: мне, черной пантере, пришлось просить защиты у Каа. А потом я и Балу оба оглупели, как маленькие птички, глядя на танец Каа. И все это вышло из-за того, что ты, человеческий детеныш, побежал играть с племенем обезьян.

— Ты права, вполне права, — печально сказал Маугли, — я глупый человеческий

детеныш, и меня мучит мой желудок.

— А что говорит закон джунглей, Балу?

Балу не хотел доставлять новых неприятностей Маугли, но не мог скрыть закона, а потому пробормотал:

— Печаль не избавляет от наказания. Только помни, Багира: он ведь очень маленький.

— Я не забуду этого, но он провинился, и его нужно побить. Маугли, что ты скажешь?

— Ничего, я поступил дурно. Балу и ты ранены, меня нужно побить.

Багира дала ему с полдюжины ласковых пинков, легких, с точки зрения пантеры. Ее удары вряд ли разбудили бы одного из ее собственных маленьких детей, но для семилетнего мальчика они были болезненны. После наказания Маугли чихнул и поднялся, не говоря ни слова.

— Теперь, — сказала Багира, — садись ко мне на спину, маленький братец, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей закона джунглей заключается в том, что после наказания прекращаются все счеты. Ни в ком не остается дурного чувства.

Маугли положил голову на спину Багиры и заснул так крепко, что не проснулся даже тогда, когда она его опустила на землю в той пещере, в которой он жил с семьей волков.

КУПЕЦ И ОБМАНЩИКИ **(турецкая сказка)**

Один турецкий купец привез в чужой город много бревен сандалового дерева, надеясь выгодно продать свой дорогой товар. Он не знал, что в этом городе жили отъявленные обманщики, которые больше всего на свете любили обманывать и обсчитывать чужестранцев. Хозяин гостиницы, у которого остановился купец, был пройдоха и плут. Увидев дорогое дерево, привезенное его постояльцем, он решил поскорее забрать себе этот товар почти даром. Плут принес в свой дом все сандаловое дерево, которое только мог купить у соседей или выпросить у них, положил бревна в большой очаг и зажег их. Вскоре весь дом наполнился ароматным запахом сандала. Купец, который только что уселся ужинать, тоже почувствовал благовонный дым. Он испугался, не загорелся ли его товар, но, увидев, в чем дело, успокоился.

— Почему ты жжешь такое драгоценное дерево? — спросил он плута.

— Нечего удивляться, — сказал хозяин гостиницы, — у нас столько сандала, что мы никогда ничем другим не топим наших очагов и каминов.

Купец пришел в отчаяние, узнав, что он приехал торговать в такое место, где его товар почти ничего не стоил. Наконец, чтобы выручить хоть маленькие деньги, он предложил хозяину гостиницы дешево уступить ему все семь тюков, за которые сам заплатил несколько тысяч цехинов. Плут сделал вид, что он горячо жалеет купца и наконец сказал, что только из доброты он в обмен за сандаловое дерево даст ему корзинку, полную дорогого материала.

— Какой же товар дашь ты мне? — спросил бедный купец, говоривший себе: «Не лучше ли принять всякое предложение, чтобы только получить возможность вернуться на родину?»

— Да какой захочешь, — ответил хозяин гостиницы, который за сандаловое дерево с радостью отдал бы корзину, полную золота. На следующий день пошли в суд, чтобы подписать договор. В этом городе люди были до того бесчестны, что никто не доверял честному слову другого.

В суде собралось много народа, и когда купец и хозяин гостиницы подписали договор, в судебном зале раздавался громкий хохот. Теперь все наперебой кричали приезжему турку, что дерево, которое он согласился продать, было в городе необыкновенной редкостью и ценилось на вес золота.

Раздосадованный купец старался скрыть недовольство и улыбался, несмотря на обиду. Он решил на будущее быть как можно осторожнее с этими нечестными людьми. Вскоре ему

представился случай доказать плутам, что он совсем не такой глупец и простака, каким они его считают.

Выйдя из суда, он увидел на площади двух людей, игравших в шахматы. Оба делали непозволительные ошибки. Купец тотчас же заметил их промахи. (Надо сказать, что плуты именно этого и хотели.) Когда партия окончилась, турок предложил одному из игроков сыграть с ним в шахматы. Хитрец согласился с тем условием, что выигравший имеет право заставить проигравшего исполнить какую угодно работу, а в случае невыполнения задачи — заплатить большой штраф.

Расставили шахматы. Сели. Купец надеялся выиграть значительную сумму денег. Но он был жестоко разочарован, заметив, что его противник играет хорошо. Через несколько ходов купец получил мат — проиграл. Зрители опять расхохотались, и турок пришел в ужас, когда его противник потребовал, чтобы он в один присест выпил море.

— Да как же... — начал было он.

— Нечего, нечего отговариваться, — с насмешкой ответил плут. — Ты должен сделать то, чего я от тебя требую. Если же не исполнишь сказанного, тебе придется заплатить штраф. Ты увидишь, как у нас наказывают за всякую нечестность.

Купец ничего не ответил. Он хотел уйти, но третий мошенник удержал его. Это был одноглазый малый. Он видел, как его товарищи удачно обманули приезжего, и решил тоже сыграть с ним недобрую шутку. Мошенник попросил всех присутствующих засвидетельствовать, что глаз купца был одинаковой формы и одинакового цвета с его единственным глазом, и стал уверять, что турок украл у него глаз. Напрасно старался бедный купец обратить дело в шутку. Все присутствующие стали на сторону лгуна, закричали, что купец должен возвратить украденный глаз, и отпустили несчастного, взяв с него торжественное обещание не уезжать из города раньше суда.

Бедный купец убежал к себе в комнату и постарался забыться сном, но воспоминания обо всем, что случилось в этот несчастный день, отгоняли от него сон. Лежа в постели, он вдруг услышал в соседней комнате голоса. Несколько слов, долетевших до него, объяснили турку, что речь идет о нем. Вскоре он нашел в стене щелочку, прижался к ней ухом и таким образом услышал все, что происходило рядом. Он стал еще внимательнее, узнав голоса хозяина гостиницы и двух других плутов. Они беседовали со стариком, который был самым главным мошенником в городе. Обманщики хвалились своими бесчестными подвигами, своей хитростью и ловкостью и смеялись над заезжим простаком. Прежде всего хозяин гостиницы рассказал, как удачно купил он сандаловое дерево.

— Ты прекрасно сделал, — сказал старик, — только глупо было обещать дать ему корзину, полную какого угодно товара. Что станешь ты делать, если он потребует, например, чтобы ты дал ему корзину, полную живых блох?

— Что за пустяки! Этого нечего бояться, — ответил хозяин гостиницы, — он, конечно, потребует золота или серебра. Тем или другим я наполню самую маленькую игрушечную детскую корзиночку, какую мне удастся отыскать в нашем городе, — и дело с концом.

— Ну-ну, увидим, увидим, — сказал старик, который хотел показать своим ученикам, что они еще должны учиться у него.

После этого второй мошенник, игрок в шахматы, рассказал, как он обыграл купца, велел ему выпить море и решил взять с него за неисполненное обещание большой штраф.

— А вдруг он потребует, чтобы ты раньше закупорил все реки, которые текут в море? Ведь на это он имеет полное право, — заметил старик...

— Он глуп и не подумает о такой вещи...

Выслушав рассказ третьего, главный мошенник города снова покачал головой и произнес:

— Если бы я был на месте заезжего купца, я потребовал бы, чтобы у тебя вырезали глаз, потом вырезали глаз у меня и оба взвесили на весах, чтобы увидеть, принадлежат ли они одному и тому же человеку. Идите прочь. Стыдно! Вы совсем не умны и не хитры, зерна моей науки не дали всходов.

Купец слышал все. Теперь, радуясь, что он нашел выход из затруднений, он заснул с легким сердцем, но, засыпая, еще раз мысленно повторил все советы старого плута.

На следующее утро в назначенное время все сошлись перед судьей. Раньше остальных выступил одноглазый и стал обвинять купца в том, что он украл у него глаз.

— А как ты мне это докажешь? — спросил судья, который был до того близорук, что видел не дальше кончика своего носа.

— Это можно легко решить, — воскликнул купец. — Вырежьте у этого человека глаз, вырежьте также один мой глаз и оба положите на весы, тогда станет ясно, принадлежат ли они одному владельцу.

Судья нашел, что купец дал хороший совет, и приказал тотчас же исполнить сказанное. Увидев, какой неожиданный оборот принимает дело, одноглазый плут проскользнул через толпу, чтобы не потерять и второго глаза, и убежал.

Перешли ко второму делу. Жалобщик потребовал, чтобы купец выпил море.

— Я готов сделать это, — сказал турок, — но прежде остановите все реки, которые впадают в него. Как только это будет сделано, я примусь за работу.

— Правильно, — решил мудрый судья, подумав с четверть часа над этими словами.

Второму мошеннику также пришлось уйти со стыдом и срамом. Тут выступил хозяин гостиницы. Он отыскал крошечную корзиночку, наполнил ее золотом и сказал, что принес купцу условленную плату.

— Ну на что мне золото? — воскликнул купец, — у меня на родине его так много, что мы мостим им улицы. Мы согласились, что ты дашь мне корзину того товара, который я потребую, и я хочу взять за сандаловое дерево корзину, полную живых блох, они редкость у нас!

— На этом и решим, — сказал судья и, устав от размышлений, крепко заснул.

Напрасно хозяин гостиницы спорил. Не удалось ему также и наловить целую корзину живых блох. Между тем купец не соглашался оставить ему сандаловое дерево ни за какую другую плату.

Тут мошенник ясно увидел, что он запутался в собственных сетях. Ему пришлось вернуть сандаловое дерево и, кроме того, заплатить штраф. Купец же снова нагрузил своих мулов сандалом и вернулся на родину, решив никогда больше не ходить в город мошенников.

СЕРЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК **(исландская сказка)**

В прежнее время, лет триста-четыреста назад, в Исландии, в деревне Скальгольте, жил старый крестьянин, небогатый ни умом, ни деньгами.

Раз после одного неудачного предприятия он вел домой корову. Путь был трудный. Наступила весна, лед таял, ветер поднимал вихри снега. Бедняк скользил на каждом шагу. Корова мычала и останавливалась. Через час старик заблудился и испугался, что никогда не вернется домой. Он остановился, не зная, что делать с несчастным животным. Пока он стоял и раздумывал, к нему подошел человек с большим мешком и спросил его, зачем он стоит тут с коровой, а потом прибавил:

— Знаешь что, милейший, давай поменяемся. Я живу недалеко, уступи мне корову (ведь тебе не удастся довести ее домой), я же дам тебе мешок. Он не тяжел, и в нем хорошие вещи: там только мясо да кости.

Столковались. Встречный увел корову, а крестьянин взвалил мешок на плечи и согнулся под его тяжестью. Дома он рассказал жене, что выменял корову на мешок с сокровищами. Жена рассердилась, но муж попросил ее успокоиться и велел развести в очаге огонь.

— Посмотри, что я принес, — сказал он, — ты меня еще поблагодаришь. Он развязал мешок. В ту же минуту оттуда выскочил человек весь в сером, как мышь.

— Здравствуйте, добрые люди, — произнес он с гордостью принца. — Я надеюсь, что вы не сварите меня, а, напротив, дадите мне поесть. Я устал и очень проголодался.

Крестьянин так и упал на табурет.

— Так я и знала, — сказала старуха. — Вместо коровы, которая нас кормила, ты привел в дом лишний рот. Лучше бы ты погиб под снегом.

Она еще долго говорила бы, если бы серый человечек не убедил ее, что словами делу не поможешь и что он отправится за провизией. Несмотря на темноту, ветер и снег, человечек ушел и вскоре вернулся с толстым бараном.

— Зарежьте его, — сказал он. — Зачем нам умирать с голоду!

Старик и старуха покосились на него. Они чувствовали, что их странный гость где-то украл барана. Тем не менее голодные люди с удовольствием поели.

С этих пор старик зажил припеваючи. Человечек приносил барана за бараном. Но в то время как бараны появлялись в доме старика, их делалось все меньше и меньше в королевском стаде, которое паслось в окрестностях. Встревоженный главный пастух доложил королю, что, хотя он хорошо сторожит стадо, из него исчезают лучшие бараны. Вскоре узнали, что в хижине старика поселился никому не знакомый пришлый человек. Король решил, что он-то и крадет баранов, и приказал привести его к себе. Серый человечек спокойно пошел во дворец, но крестьянин и крестьянка встревожились.

Когда человечка привели во дворец, король спросил его, слышал ли он, что из королевского стада украдено пять больших баранов.

— Да, Ваше Величество, — ответил серый человечек, — их взял я.

— А по какому праву? — спросил король.

— Ваше Величество, — ответил человечек, — я их взял потому, что приютившие меня старик и старуха голодали, тогда как у вас всего достаточно.

Король изумился и, взглядевшись в серого человечка, сказал:

— Как я вижу, ты лучше всего умеешь воровать.

Серый человечек скромно поклонился.

— Отлично, — сказал король. — Тебя стоит повесить, но я тебя прощу, если завтра к этому часу ты украдешь у моих пастухов черного быка, которого я приказал им особенно беречь.

— Ваше Величество, это невозможно. Как мне обмануть их?

— Я приказываю украсть быка, — закричал король.

И он отпустил вора.

Серый человечек вернулся в хижину. Старик и старуха ласково встретили его, он же попросил их дать ему веревку. Ему дали старый коровий недоуздок, и он спокойно лег спать.

Рано на рассвете серый человечек вышел, захватив веревку. Он отправился в лес, росший вдоль дороги, по которой всегда проходили королевские пастухи, и, выбрав громадный дуб, повесился на одной из его толстых ветвей. Понятно, он сделал незатяжную петлю.

Вскоре появились два пастуха, гнавшие черного быка.

— Ага, — сказал один из них. — Нашего мошенника повесили. Значит, не ты украдешь черного быка.

Как только пастухи скрылись, серый человечек спустился вниз и по короткой дороге прибежал к другому большому дубу, который рос у дороги. Он снова повесил веревку на сук дерева, а сам зацепился за нее. Подошли пастухи и страшно удивились.

— Что это? — закричал один из них. — Он висел там, а теперь висит здесь?

— Как ты глуп, — сказал другой, — это другой вор, вот и все.

— Повторяю, что это тот же самый, — настаивал первый пастух. — Он в том же платье.

— А я уверен, что это другой. Побьемся об заклад.

Первый согласился. Они привязали черного быка к дереву и побежали к первому дубу. В это время серый человечек соскочил на землю и отвел быка к крестьянину.